

ИЗ ОТЗЫВОВ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ О БУНИНЕ

Сообщение Н. П. Седовой

В 1968—1969 гг., работая в Ленинградском университете над дипломным сочинением «Советские писатели о Бунине», я обратилась к ряду писателей с просьбой ответить на письмо-анкету. Цель анкеты — выяснить: оказало ли творчество Бунина влияние на советскую литературу и какое значение имеет изучение его произведений для современного советского писателя. Было послано около 50 таких анкет, главным образом тем писателям, отзывы которых о Бунине мне не удалось (или почти не удалось) найти в печати.

Многу были поставлены следующие вопросы:

- 1) Когда вы впервые познакомились с творчеством Бунина?
 - 2) Какие прозаические произведения писателя вы считаете наиболее значительными?
 - 3) Каково ваше мнение о поэзии Бунина?
 - 4) Каково ваше отношение к эмигрантскому творчеству Бунина?
 - 5) Оказал ли Бунин влияние на ваше собственное творчество?
 - 6) Чем вы объясняете усилившийся интерес к Бунину в наши дни?
- На посланную мной анкету откликнулись 16 писателей.

Ниже публикуются наиболее интересные и обстоятельные из этих откликов, последовательность которых определяется временем вступления их авторов в литературу: вначале даются ответы писателей, начавших свою литературную деятельность в середине 1950-х годов, завершают же публикацию ответы писателей старшего поколения.

ЮРИЙ НАГИБИН

1. Мое первое знакомство с Буниным состоялось очень давно, я уже не помню когда. Я воспитывался в литературной семье, и мой отчим, писатель Я. Рыкачев, поторопился как можно раньше познакомить меня с Буниным, у него было дореволюционное издание Бунина и «Сны Чанга», вышедшие в 1920-х годах. Но признаюсь, Бунин не произвел на меня столь сильного впечатления, как впоследствии, при вторичном его открытии. Это объясняется моей тогдашней незрелостью, мне было лет двенадцать-тринадцать.

2. Мне нравится очень многое, почти всё. Знаменитая «Деревня» меньше всего. На первом месте я поставил бы «Лик», а затем рассказы «В Париже», «Руся», «Таня», «Воды многие», «Грамматика любви», «Заря всю ночь», «Золотое дно», «Соотечественник», «Чистый понедельник», «Натали», и проч., и проч.

3. Его стихи первоклассны и до сих пор не оценены по достоинству. Один «Сириус» чего стоит, а есть и еще лучше!

4. Бунин и в эмиграции писал изумительно. В «Темных аллеях» есть божественные рассказы, хотя бы такие, как «В Париже», «Руся», «Таня». А «Лика», а «Жизнь Арсеньева» ...

5. Да, оказал. В литературе считается, что я работаю в бунинской традиции, в то время, как, скажем, Сергей Антонов последователь Чехо-

ва. Я учился у Бунина языку, пристальности взгляда, терпеливому изучению явлений жизни. Да и сейчас учусь.

6. Усиливающийся интерес к Бунину в наши дни я объясняю неизменной тягой людей к большой литературе. А Бунин, один из величайших прозаиков всех времен и народов, был долгое время почти недоступен, во всяком случае, подавляющему большинству наших читателей. Естественно, что на него набросились, — ведь Толстой, Тургенев, Чехов и другие гиганты читаны-перечитаны. И к тому же Бунин наиболее современный нам из классиков. К сожалению, этой тяги на Западе не ощущается, Бунин прошел мимо западного читателя.

15 декабря 1968 г.

ВИКТОР БОКОВ

1. Первое мое знакомство с Буниным было в студенческие годы, когда я писал не только стихи, но и прозу, замеченную и одобренную Михаилом Пришвиным, в доме которого я воспитывался с 14 лет.

2. Больше всего люблю у Бунина «Лик» и «Антоновские яблоки». Но ответ условный, ибо лучшее у каждого писателя — это его манера, его стиль, его художественный угол зрения, он выявляется в любом абзаце художника, в любой его строке.

3. Бунин великолепный поэт. Во времена всяких измов, он держался пушкинской ясности и продолжал классическую школу русской поэзии. На это надо было иметь мужество. Для меня Бунин-поэт и Бунин-прозаик равновелики.

4. Я не делю творчество Бунина на периоды — эмигрантский и до-эмигрантский. Дело в возрасте. Конечно, на склоне лет любой художник теряет остроту восприятия, слабеет память, уходят силы, этот спуск под гору пришелся на эмигрантский период в жизни Бунина. И вопрос, который ставят исследователи, не очень правомерен.

5. Бунин оказал на меня большое влияние, как поэт и как прозаик. Я учился у него строгости, реальности изображаемого, работе над словом. Вот, скажем, в стихотворении «При первом свиданье сады бушевали...» есть строка:

Да месяц встает со скирды *крутого*.

Я бы так не написал, если бы не знал творческого опыта Бунина, не знал его обращения со словом.

6. Интерес к Бунину — естественный интерес к большому таланту, он рано или поздно приходит. Незаслуженная слава и популярность быстро проходят, зато слава по достоинству растет медленно, но верно.

29 декабря 1969 г.

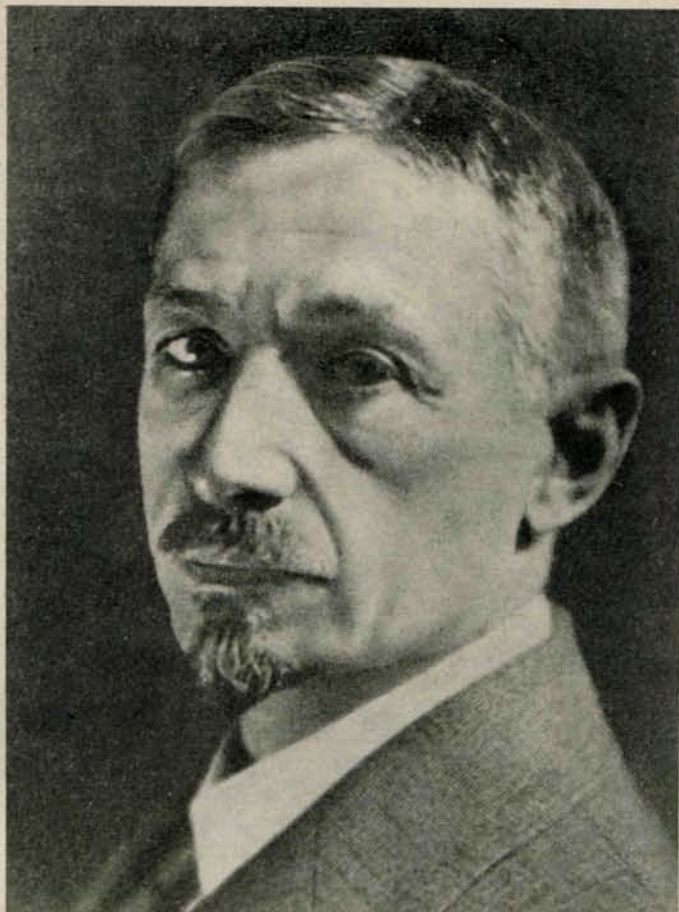
СЕРГЕЙ ВОРОНИН

1. Впервые я совершенно случайно купил у букиниста, году в 1936, перевязанную кипу книг — приложения к «Ниве». Купил за бесценок. Это был Бунин. Я «его» сам переплел и никогда уже не расставался.

2. Очень многие, даже ранние, такие как «Танька».

3. Бунин — поэт в прозе! Это так! Я люблю Бунина-прозаика. Могу его перечитывать и перечитываю. Стихи же, за малым исключением, меня мало волнуют.

4. Нельзя согласиться с утверждением, что в эмиграции Бунин стал писать слабее. «Темные аллеи» — разве это слабее раннего Бунина?

БУНИН

Фотография. Париж, 1920. С подписью Бунина: «Июль 1920 г. Париж»
Парижский архив Бунина

5. Конечно, оказал. Но не только он. Все замечательные писатели помогали и помогают мне. Если же говорить о природе, то только двое — Чехов и Бунин — научили меня ее любить и вглядываться в нее.

Бунин — явление редчайшее. В нашей литературе, по языку — это та вершина, выше которой никому не подняться.

Сила Бунина еще и в том, что ему нельзя подражать. И, если можно у него учиться, то только любви к родной земле, познанию природы, удивительной способности не повторять никого и не перепевать себя, — это ведь тоже относится к эмигрантскому периоду. И самое главное — люди, русские люди, которых он знал, любил, с которыми не расставался и оставил нам в наследство.

6. Возросший интерес к Бунину появился, мне думается, прежде всего потому, что Бунин был мало известен широкому читателю. Когда же стал у нас издаваться, то, естественно, привлек к себе внимание. Дальнейшее уже просто — те, кто любит литературу, кто понимает русское слово, — получили огромное наслаждение.

28 ноября 1968 г.

АНАТОЛИЙ ПРИСТАВКИН

1. Бунина я узнал довольно поздно, но не случайно. В 1956 г. вышел его пятитомник, который и до сих пор является для меня настольной книгой.

Я люблю Бунина, Это, несомненно, один из виднейших русских писателей.

2. Вопрос для меня трудный. Если писатель очень нравится, трудно что-либо выделять. Ну, люблю его «Деревню», «Последнее свидание», «Зеркало», из поздних короткие — «Часовню», «Первую любовь» и прочее, и прочее, — все весьма, повторяю, условно.

3. Известное определение Бунина как поэтического прозаика и прозаического поэта, как любая всеобъемлющая формула, неточно. У него есть прекрасные стихи и строфы. Но, видимо, мне как прозаику его проза ближе.

4. Трагедия русских в эмиграции ужасна, о ней и говорить тяжело, это относится и к Бунину. Но он всегда и во всех условиях был *русский настоящий писатель*, и все что он сделал, для меня любимо и ценно.

5. Безусловно. И не только на мое творчество. На мой взгляд, лучшая часть так называемой «молодой прозы», которая сегодня активно печатается, имеет свою читательскую аудиторию и немалый вес, вышла из классической школы Пушкина — Чехова — Бунина. Конечно, неправильно было бы говорить, что это единственно возможное формальное направление в русской советской литературе. Но, несомненно, одно из самых жизненных и перспективных. Полное отсутствие официоза, естественность и простота, глубокий психологизм, близость к природе и вообще к естеству человека, высокая, почти музыкальная культура слова — вот некоторые признаки бунинской школы. Это уже ответ и на последний ваш вопрос. Валентин Петрович Катаев в книге «Трава забвения» превосходно, по-моему, рассказывает о жизни Бунина, о некоторых моментах его работы над словом. Во всяком случае для меня это было поучительно.

2 января 1969 г.

ВАСИЛИЙ БЕЛОВ

1. Мое знакомство с Буниным состоялось в 1955 г. (очень поверхностное и случайное), настоящее же произошло всего лишь пять-шесть лет тому назад.

2. Все произведения этого писателя мне нравятся, кроме стихов, да и стихи «не нравятся» лишь относительно его прозы и перевода «Гайаваты», а не относительно множества других поэтов — современников писателя.

3. Конечно же, проза Бунина — проза поэта, но лишь в смысле ее ритмичности, напевности, краткости и образности, а не в том смысле, что вот, мол, был хороший поэт Бунин, который писал еще и неплохую прозу: такая постановка вопроса передка и очень демагогична, и она диктуется, видимо, неприязнью к великому писателю.

4. Делить творчество Бунина на два периода, на эмигрантский и доэмигрантский, по-моему нельзя. Писатель один — Бунин, и он неделим для русской культуры. Ко всему этому весьма трудно, на мой взгляд, невозможно доказать то, что произведения Бунина, написанные в эмиграции, слабее доэмигрантских (я не говорю здесь о некоторых вещах бунинской публицистики).

5. На этот вопрос я отвечать не буду, слишком это нескромно — говорить о своих писаниях в сравнении с Буниным.

6. Интерес к Бунину никогда и не ослабевал. Был некоторый пробел, искусственно вызванный провал в изучении его творчества. Несколько поколений не знали Бунина, так как его не издавали. Но это не могло продолжаться бесконечно, потому что после Толстого Бунин был самым значительным явлением в русской литературе, последним, пока еще никем не превзойденным ее классиком. Бунин, как и Толстой, принадлежит не только России, но и всему миру.

11 декабря 1968 г.

ЮРИЙ ТРИФОНОВ

Мое первое знакомство с Буниным произошло еще в студенческие годы. К. Федин, у которого я занимался в семинаре, говорил: «Учитесь делать фразу у Бунина». Тогда же, году в 1946 или 1947, я купил в букинистическом магазине старое издание Бунина (приложение к «Ниве»), переплетенное в три тома, и читал запоем. Бунин был для меня открытием: какова может быть сила пластического, живописного слова! Никто прежде именно в этом смысле — воздействия фразы, слова — так сильно на меня не действовал. Поражало еще, как удивительно точно и живо говорят люди, крестьяне. Вскоре удалось в букинистическом магазине на Арбате купить «Митину любовь» — книжечку, изданную в 1925 или 1926 г., в Ленинграде, в издательстве «Прибой». Это была необыкновенная удача. Снова, еще больше, меня поразило сочное, плотское письмо... И, конечно, отвечало моему настроению — мне ведь было тогда почти столько лет, сколько Мите.

Больше всего у Бунина мне нравится рассказ «В Париже».

Проза Бунина не столько проза поэта, сколько проза художника — в ней чересчур много *живописи*.

Бунин, конечно, замечательный писатель, для меня — один из любимых. Но — не самый любимый! Бунин оказал огромное влияние на большинство современных молодых прозаиков — в основном, в области стиля, пластики слова.

22 апреля 1969 г.

ЮРИЙ КАЗАКОВ

Вы задали так много вопросов, что отвечать на них я просто не могу из-за времени. Отвечу только на один — хуже ли стал Бунин писать в эмиграции.

После «Братьев» и «Господина из Сан-Франциско» Бунин стал самым могучим, самым прекрасным русским писателем. Конечно, десятки лет ему приходилось писать о России только по памяти, и это не могло не отразиться на его писаниях. Но как художник, как мастер слова — он, безусловно, вырос.

Я действительно намереваюсь написать книгу о Бунине. Что это будет за книга? Есть у Стефана Цвейга цикл повестей о великих людях под общим названием «Звездные часы человечества». Такой же, примерно, представляется мне и моя будущая книга, если сподоблюсь я ее написать...

7 декабря 1968 г.

ВАСИЛЬ БЫКОВ

1. Мое знакомство с Буниным, вероятно, было случайным. Правда, еще до войны мне пришлось прочитать несколько его рассказов, но по-настоящему я оценил этого мастера слова только где-то в году 1955, когда прочитал несколько его повестей. На фоне тогдашней литературы он поразили

меня ясностью и точностью мысли, изысканностью фразы, добротой и лиризмом.

2. Нравится мне в творчестве Бунина очень многое. Но больше всего, наверное, «Лика», «Митина любовь», многие рассказы, в том числе и «Господин из Сан-Франциско».

3. Как и проза, стихи у Бунина великолепны.

4. Нет, я не считаю созданное им в эмиграции слабее написанного на родине. В некоторых случаях даже наоборот. Например, «Митина любовь», «Лика», «Ида», «Ворон» — отличные вещи.

5. О влиянии я сказать затрудняюсь. Традиции белорусской литературы несколько расходятся с теми, которые определяют творчество Бунина, но тем не менее некоторые мотивы юношеских чувств из его «Митиной любви» нашли свое, пусть косвенное, отражение в моей повести «Третья ракета».

22 декабря 1968 г.

ГРИГОРИЙ БАКЛАНОВ

...Интерес к Бунину, когда его не издавали, для большинства читателей был просто беспредметен. Вот так и я до войны Бунина не читал, ибо в Воронеже, где я жил тогда, Бунина достать было невозможно. Во всяком случае, его не было у тех людей, кого я знал. Так случилось, что даже после войны я прочел Бабаевского, издававшегося гигантскими тиражами, раньше, чем Бунина.

Бунин — писатель огромного таланта, писатель русский, и, конечно же, в России у него должен быть большой читатель. Думаю, что читатель Бунина значительно превышает тиражи его книг.

По живописи, по чувству слова (а у Бунина оно поразительное) рассказы его, написанные в эмиграции, быть может, и не слабей прежних его вещей. Но как бы ни была важна эта сторона художественного творчества, главным все-таки остается то, ради чего пишется вещь. А вот это главное во многих рассказах не представляется значительным (я имею в виду эмигрантский период).

Оказал ли Бунин на меня влияние? Мне кажется, нет. Но не уверен, так как я одно время определенно испытывал влияние Шолохова, а Шолохов, несомненно, испытал на себе сильное влияние Бунина. Но это я понял позже, когда Бунина прочел.

29 января 1969 г.

НИКОЛАЙ РЫЛЕНКОВ

Мечтаю написать и о прозе Бунина *.

...Для меня он стоит в ряду самых больших мастеров мировой литературы. Его талант не поблек до конца дней.

10 декабря 1968 г.

* В ответе на анкету Н. П. Седовой Н. И. Рыленков ссылается на свою статью «Вторая жизнь поэта» («День поэзии». М., 1966, стр. 302—304). Приводим выдержки из этой статьи:

«...Бунина-поэта у нас долгое время считали эпигоном дворянской поэзии девятнадцатого века, повторяя оценки враждебной ему декадентской критики. Ошибочность такого взгляда теперь уже совершенно очевидна. Эпигон не может быть большим мастером, а Бунин мастер огромный, художник поразительной силы, чувствовавший тончайшие оттенки слова. Богатству и точности его языка удивлялись Чехов и Горький.

Лирическая поэма „Листопад“ — одно из самых ярких и тонких по живописи словом произведений русской поэзии. Иногда Бунина называют холодным мастером.

ЛЕОНТИЙ РАКОВСКИЙ

1. В 1915 г. популярнейший в старой России журнал «Нива» дал в приложениях полное собрание сочинений Бунина. Тогда я и познакомился с ним. Несмотря на то, что в то время я писал только стихи, но на всю жизнь полюбил кристально-ясную прозу Бунина.

2. В Бунине-прозаике мне нравится все! Особое пристрастие у меня к его последней, неповторимо-прекрасной книге рассказов «Темные аллеи». Вера Николаевна Бунина, в апреле 1960 г. приславшая мне из Парижа «Темные аллеи», так сказала в дарственной надписи: «Посылаю эту книгу, которую Иван Алексеевич считал самой совершенной из своих книг. „Каждый рассказ имеет свой ритм“, — не раз говорил он мне».

3. Стихи Бунина — превосходны.

4. Я не делю Бунина-прозаика на «до эмиграции» и «в эмиграции». Если отбросить его публицистические высказывания (в них много предвзятого и ошибочного), то Бунин — всегда Бунин. Я считаю, что «Митина любовь» и «Жизнь Арсеньева» не слабее «Деревни» и «Господина из Сан-Франциско». Недаром же Паустовский написал о «Жизни Арсеньева»: «Это одно из замечательнейших явлений мировой литературы. К великому счастью, оно в первую очередь принадлежит литературе русской».

Что же касается своеобразного цикла рассказов «Темные аллеи», то я не вижу равного ему во всей русской литературе.

5. Бунин влиял на ранние мои вещи.

6. Бунин — великий русский писатель.

У настоящих любителей и ценителей русской литературы к Бунину интерес был всегда. В 1930—1940 годы мне приходилось вести ряд крупных литературных групп и кружков (Выборгский дом культуры, Профиздат, Литературный университет, «Печатный Двор» и пр.). И я видел, как мои молодые друзья-литкружковцы восхищались не только «Деревней», «Господином из Сан-Франциско», но и «Митиной любовью» и «Делом корнета Елагина», изданными в Советском Союзе.

Во весь голос заговорили о Бунине вскоре после окончания Великой Отечественной войны. В разных журналах и сборниках стали появляться бунинские рассказы из его последних книг.

Окончательно же поставил все на место второй Съезд писателей, где К. А. Федин всенародно сказал, что пора вернуть Бунина нам. И Бунин вернулся...

26 декабря 1969 г.

Это чистейшее недоразумение. Нельзя принимать строгую сдержанность взыскательного художника за холодность. Разве холодный мастер может так одухотворить природу, как это делает Бунин в своем знаменитом „Листопаде“? <...>

Мы с законной гордостью говорим о языке Тургенева. С такой же гордостью мы теперь можем говорить о языке Бунина как о высшем достижении русской художественной культуры предреволюционной поры <...>

При всем богатстве своего языка, Бунин никогда не стремится удивить читателя редкостным словом или оборотом. Из нескудеющих кладовых литературной и обиходной речи он брал только те слова, без которых не мог обойтись. Что каждое слово хорошо на своем месте, — знают и подмастерья, а найти его и поставить умеют только мастера. Бунин умел это, как редко кто другой даже из первоклассных мастеров.

Современникам трудно было оценить его художественный подвиг.

В годы его молодости тон в литературе задавали декаденты, а он оставался неприимным реалистом. И они заслоняли его.

В годы полной зрелости таланта, уже увенчанный академическими лаврами, он совершил роковую ошибку — испугавшись революции, покинул родину и навсегда оторвался от народной почвы. Он вернулся на родину как художник только после своей смерти. Но и это позднее возвращение было большой радостью для всех, кому дороги судьбы русского народа».

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ!

В четверг, 20 октября в помещении
музея (Б. Якиманка, 38)

состоится

ВЕЧЕР ПАМЯТИ

И. А. БУНИНА

(к 85-летию со дня рождения)

Начало в 19 ч. 30 м.

В зале открыта выставка

„И. А. БУНИН“

(на материалах фонда музея)

ПРОГРАММА:

I.

Вступительное слово —
К. Г. Паустовский

Литературное наследие
И. А. Бунина — Л. В. Никулин

Воспоминания
о Бунине

II.

Художественная часть

ПРОГРАММА ВЕЧЕРА ПАМЯТИ БУНИНА В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ МУЗЕЕ

Москва, 20 октября 1955 г.

Литературный музей, Москва

ЕФИМ ДОРОШ

1. Бунина я впервые прочитал лет тринадцати или четырнадцати от роду. Ничего до этого о нем не знал. Было это в Одессе, в голодные годы, когда книги были очень редки, а я очень любил читать, и вот у соседей по дому, людей невежественных, я обнаружил чуть ли не все приложения к «Ниве». У меня достало сообразительности или инстинкта прохладно отнестись к Шеллеру-Михайлову, к 52 книгам которого я уже никогда больше не возвращался, и полюбить Лескова, Чехова, особенно же Бунина. С тех пор я мечтал о собрании сочинений Бунина, но оно мне больше не встречалось. В конце двадцатых и начале тридцатых годов я прочитал выходявшие у нас «Сны Чанга», «Митину любовь», в сорок седьмом или восьмом году, нет вру, в конце тридцатых, будучи в Малеевке (в «Доме творчества»), нашел в библиотеке марксовское собрание и снова перечитал, а вот в сорок девятом или пятидесятом увидел в Книжной лавке писателей это собрание, тут же купил его и с тех пор оно у меня, как и «огоньковское», как и гослитовское... Бунина я перечитываю часто, некоторые вещи особенно часто.

2. О том, какие произведения больше всего нравятся, трудно сказать сразу. Назову — «Жизнь Арсеньева», «Суходол», многое из «Темных аллей» нравится, нравятся «Вести с родины» и примыкающие к этому рассказу произведения.

3. Что до стихов, то, по-моему, в сравнении с прозой Бунина они проигрывают, хотя и здесь немало прекрасных вещей, сделавших бы честь многим поэтам того времени.

4. Нисколько я не согласен с утверждением, что в эмиграции Бунин стал писать слабее. Бунин писал все лучше и лучше, таков уж его талант (хотя редактурой ранних вещей иной раз портил их), а отдаленность от

России, боль, вызванная этим, только лишь обострили его чувство и зрение.

5. Что до влияния, то самому судить трудно, — я, например, считаю, что оказал, но как-то мне один писатель сказал, что у нас с Буниным ничего общего нет. Думаю, все же, что он ошибается, или же очень поверхностно судит об этом. Когда я узнал от А. Бабореко, что Бунин кому-то писал, будто только лишь любовь к истории России, знание ее, помогали ему в эмиграции писать о России, словно он и не уезжал, мне многое стало понятно не только в нем, но и в себе самом одновременно. Дело ведь не во внешнем следовании мастеру. Кроме того, мне очень близки сдержанность Бунина, его нелюбовь к внешним эффектам, к громким словам, к беллетристической занимательности, его точность и его пластичность, — у него ведь все видишь, осязаешь, обоняешь...

6. Все усиливающийся интерес к Бунину в наши дни, мне думается, можно объяснить следующими причинами. Прежде всего — Бунина сейчас открыли для себя тысячи и тысячи читателей, и не только молодежь, которая постоянно, в каждом новом поколении, заново открывает для себя то, что было известно прежде, но и люди относительно немолодые. Ведь Бунин у нас почти не издавался в течение многих лет. Помню, году в 1950 или 1951 ночевал у меня инженер с торфопредприятия, приехавший в «Литературную газету», где я тогда работал, и не нашедший номера в гостинице. В комнате, где я его уложил, стояло собрание сочинений Бунина, изданное Марксом, и вот инженер этот, слышавший от своей матери-учительницы, что есть такой прекрасный писатель Бунин, взяв томик, так и не положил его — читал всю ночь. А ему было, я думаю,

Ив. Бунинъ

ГОСПОДИНЪ

ИЗЪ

САНЪ-ФРАНЦИСКО

ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1915—1916 г.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ

*Милому и талантливому
Николаю Сергеевичу
Ив. Бунинъ*

*Знаю 1916
Москва*

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ БУНИНА Н. С. АШУКИНУ НА СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ

«ГОСПОДИН ИЗ САН-ФРАНЦИСКО» (М., 1916):

«Милому и талантливому Николаю Сергеевичу. Ив. Бунин»

Собрание М. Г. Ашукиной, Москва

лет под сорок, он интересовался литературой, сам пописывал, но вот жизнь его сложилась так, — он постоянно жил в провинции, — что он никогда не держал в руках сочинений Бунина. Кстати, популярность Бунина росла вместе с все увеличивающимся изданием его произведений, с публикацией многих из них в разных журналах, газетах.

Но это, разумеется, не все.

Бунин — писатель с редким, я бы сказал, чувственным восприятием России, сильно обострившимся в многолетней эмиграции, он — писатель с исключительным чувством истории, более сильным, нежели у тех даже, кто писал на исторические темы, он чувствовал в каждом настоящем мгновении связанность его со всем, что было прежде, и хотя почти не признавался в этом, хотя почти никогда не декларировал это свое чувство, так как был удивительно строг и сдержан в своих писаниях, все же эта его затаенная страсть передается читателю. Наконец, при всей строгости и сдержанности его письма, Бунин, по-моему, очень сердечен, всем существом своим чувствует человека, самого обыкновенного, замечу попутно, особенно женщин.

Мне как-то пришло на мысль, что женщины могли бы поставить памятник Бунину, — какое количество молодых и немолодых, красивых и некрасивых женщин изобразил он, изобразил в самом главном — в любви. Как они все прекрасны в эти минуты и часы — и крестьянки, и гимназистки, и провинциальные чиновницы, и помещичьи дочери, и проститутки... Но ведь и мужики у него великолепные, только не в «Деревне», которую, при удивительной правде многих ее страниц и характеров, да и самого настроения, я не очень люблю за некоторую ее тенденциозность.

4 марта 1969 г.

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ

В 1915 г. мне казалось, что у него «не хватит сердца» для дальнейшего творчества. Я был прав и неправ. Конечно, и «Митина любовь» и трактат о Толстом — вещи, глубоко осердеченные, — свидетельствуют, что в глубине души у него теплеет и нежность и любовь, но сколько бессердечия в его мемуарах...

Вообще, одним каким-нибудь словом его не определить. Не мне, старику, судить, близок ли он «нашему времени». Подлинно великий писатель близок всем временам, всем векам.

7 мая 1969 г.